

Трофимов Артём Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

artem_trofimov_9@mail.ru

Научный руководитель – И. С. Веселова, канд. филол. наук

НЕВОД: СЕТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: невод, рыбалка, делёж, жеребьёвка, справедливость.

Статья посвящена особенностям отношений в среде поморов, заданным совместным использованием невода. Привлекаются данные фольклорно-антропологической экспедиции СПбГУ 2016 года в сопоставлении с работой Т.А. Бернштам «Поморы». Анализируется концепт «справедливости» как представления о правах участников промысла, отражённого в процессе дележа рыбы и совместном невождении.

Trofimov Artyom

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

SEINE: THE NET OF SOCIAL RELATIONS

Keywords: seine, fishing, sharing, sortition, justice.

The paper deals with the features of the relations among the Pomors determined by the common using of a seine. The data of SPbU folklore-anthropological expedition, 2016, are compared with T.A. Bernshtam's book "The Pomors". The concept of "justice" is analyzed as an idea of the fishing members' rights, reflected in the process of sharing fish and common seine fishing.

Роль невода в среде поморов

Рыбная ловля с использованием невода — один из древних традиционных промыслов поморов. Природные условия Поморья естественным образом приводили местное население к использованию сложных инструментов промысла и сплочению рыбаков в артели. Характер промысла (рыбацкой артелью в определённые сезоны) и «сложносоставный» инструмент (невод) задавали особенный тон отношениям внутри образовавшегося коллектива. «Общинный лов, — пишет Т. А. Бернштам, — естественно обуславливал и общинное владение орудиями лова» [Бернштам, 1978, с. 142], элементы чего, по наблюдениям автора статьи, сохраняются в сельском Помо-

рье и на сегодняшний день. При анализе полевых интервью с практикующими рыбаками, сделанных в деревне Мелогора Архангельской области в 2016 году, была отмечена объединяющая роль невода в отношениях между рыбаками в промысловых практиках.

В плетении невода обычно принимали участие взрослые мужчины из разных семей, объединённые в группу по принципу соседства. В полевых записях совместное создание коллективного невода обозначается глаголом «сшиваться», что первоначально подразумевало принесение каждым членом коллектива своей доли пряжи в процесс скрепления частей в единое приспособление. (Сейчас «сшивание» также возможно при внесении денежной суммы в общее дело).

Такие невода вместе шили — семьи на две, на три. Раньше сшивались то с соседями на два или три дома и неводили [DTxt16_Arch-Mez_16-07-21_BaranovLF].

Они там, к примеру, четыре хозяина, — он вложились все. Кто-то, может быть, когда купили где-то, все сшили вот по паям... [DTxt16-023_Arch-Mez_16-07-18_SidorovIN].

Индивидуальное пользование неводом, в связи с его громоздкостью и внушительными размерами, не представлялось возможным. На сегодняшний день невожение практикуется редко, поскольку старинное приспособление в большинстве своём заменили дешёвые и доступные сети. Как отмечает Бернштам, «Мы можем считать исходно общинной ту снасть, которая разверстывалась по душам (хотя в конце XIX — начале XX вв. члены общины вносили неравные доли в силу имущественной дифференциации)» [Бернштам, 1978, с. 142]. Подтверждение словам учёного мы находим и в словах информантов:

Четыре хозяина там и у них совместный невод. Ну, он стоял, соответственно, у кого-то у одного там, кто считался командиром всё равно; он скажет: «Всё, поехали!» там и всех соберёт и поехали, и поехали — хозяин-то ведь всё равно, кто-то руководитель-то должен был быть.<...>

<Вот этого руководителя — его как, выбирали, получается?>

Ну, дак уж, наверно, сами там скажут: «Давай ты тут чё-то это, будешь тут постарше, может быть, просто, другие помоложе будут» — так вот [DTxt16-023_Arch-Mez_16-07-24_SidorovIN].

Очевидно, информанты не считают существенным, кто берёт на себя функцию руководителя: главное — совместное изготовление инструмента и пользование им. Насколько тесно переплетаются от-

ношения внутри самого коллектива с изготовлением невода, демонстрирует следующий пример:

<А было такое, что вот, допустим, там, рыбачат, рыбачат несколько семей, а кого-то там, за лень, допустим, какую-то, изгоняют?>

Не-не-не. Если за лень, дак вместе это, вот у него часть отрезали <...> — иди!

<В смысле часть невода отрезали?>

Да, а как? <...> Раз поругаются, два поругаются — и давай расширяться [DTxt16-018_Arch-Mez_16-07-20_SidorovMA].

Несколько иные данные приводит Бернштам: «Интересно, что здорового, т.е. неуживчивого, сварливого товарища, не желавшего вшиваться в общую снасть, община выделяла на отдельные тони, т.е. исключала из артели и в конечном счёте — из общины» [Бернштам, 1978, с.142]. На основании приведённого примера и данных учёного можно говорить о том, что целостность невода в сознании рыбаков символизировали целостность группы людей, вложивших свои силы в дело создания этого приспособления. За нарушением одним из участников поведенческой конвенции коллектива следовало как удаление его самого из группы, так и символическое его отделение — с отщеплением от общего «тела» доли, некогда внесённой в его построение «здоровым» товарищем.

Делёж рыбы

Делёж полученного улова во всей полноте демонстрируют особенности отношений в рыбацком коллективе.

Там придут домой, на повети там примерно рыбу высыплют <...> Если такую рыбу, мелкую, так чашками прямо; чашку возьмут — и это, такие вот. Четыре пая <...>; раз чашку — тебе зачерпнёт, чашку... Это мелкую рыбу такую, это так. Крупную рыбу — там раскладывают примерно так, приблизительно: вот щука такая — тебе, примерно такая же — тоже тебе, эти две поменьше — мне две. Ну, чтобы так, равномерно маленько так это [DTxt16-023_Arch-Mez_16-07-24_SidorovIN].

Очевиден выдвигаемый на первый план принцип равноправия всех участников рыболовного процесса, представление о том, что каждый достоин одинаковой с другими доли общей добычи. Уравнивание всех делящих улов сопровождается разнообразными приёмами, цель которых — устранение всякой возможности неравного распределения доли между рыбаками. В частности, известны случаи считалок, особой методики разрезания рыбы: в зависимости от вку-

совой ценности разных её частей [DTxt16-021_Arch-Mez_16-07-22_DeriaginPI].

Отдельный интерес представляет вид жеребьёвки, называемый кУканьем (кукать — ‘звать, кликать’) [Подвысоцкий, 2012, с. 77]:

Иди — говорит — отворачивайся, тебя будут спрашивать, чтоб называл. Это называлось кУкать.

<Как? Кукать?>

Кукать, да. Человек не видит, а другие показывают: «Чей пай?» — «Так, — говорит, — такого-то пай». <нрзб. > Бывало такое, кукали. Главное — чтоб всё по-честному было [DTxt16-018_Arch-Mez_16-07-20_SidorovMA].

Здесь преломляется представление о решающей роли жребия как универсального распределителя блага. Справедливость жребия никем в коллективе не оспаривалась. В прошлом, по данным Бернштам, жеребьёвка распространялась в Поморье и на другие блага: «Передел осуществлялся по жребию <...> Участники тянули либо таблички с названиями или номерами тоней, либо домохозяева — представители родственного или соседского коллектива — бросали свои клейма (знаки) в мешок или рукавицу; под каждым клеймом значилась определенная тоня» [Бернштам, 1978, с. 140]. Однако на равноправное распределение добычи в разных случаях накладывали ограничения обстоятельства лова. Так, по сообщению одного из информантов, дополнительная доля давалась участникам, предоставившим личное судно для общего дела:

<...как после этого рыбу делят?>

По паям. Какой пай. Например, вот невод, одна четвертая твоя. Там лодка, лодка кому-то одному принадлежала, дак вот на лодку пай. И на четверть пай. Чья лодка, дак тот больше получал. Улов больше делился. Сначала, как это, на четыре части и все равно еще пятый клался.

<То есть, если четыре человека рыбачили, всё равно на пять делился?>

Да, пять паёв получалось: на лодку пай и вот на четвертинку пай [DTxt16-018_Arch-Mez_16-07-20_SidorovMA].

Эта особенность дележа, как видится, восходит к бытовавшему в Поморье на рубеже XIX–XX вв. аналогичному правилу поведения артельных покрутчиков: «При самом распространенном способе найма все члены артели находились в одинаковых имущественных отношениях с хозяином — владельцем промысловой избы, судна, орудий лова, промысловой одежды и пищи. Все покрутчики в этом случае получали по равному паю без различия их роли в промысле,

ловкости, силы и возраста. Такой же пай выделялся и лодке, т. е. её владельцу, как арендная плата» [Бернштам, 1978, с. 152]. Стоит также обратить внимание на любопытный рассказ одного из информантов о совместной рыбалке разновозрастных мужчин и женщин:

Была, значит, мать с этим, с дочерью, а у нас было, значит, мужчина (вернее, отец мой) и я — нас двое и их двое. Но им дали меньше, потому что главный-то был закопёрщик мужчина: он выудивал, он обмётывал — и поэтому здесь, короче говоря, по паям на больше досталось, вот. <...> Разделили весь улов на пять частей, три части нам, а две части им. А было тут ещё, когда мы неводили, это мелкую рыбу неводили, а нам, значит, тут ещё прыгнула сёмга — и мы сразу две поймали сёмги, больших. Тут уж он по своему усмотрению делил, резал кусками; «так, — говорит, — вот им столько-то...» [Dtxt16-021_Arch-Mez_16-07-22_DeriaginPI].

Это не единственный из зафиксированных случаев участия женщины в невожении и процессе дележа улова [DTxt08-005_Arch-Mez_08-07-15_BazarevaNM_BazarevVM; ФАПЦ, Dtxt-010_Arch-Mez_08-07-19_BobylevaMV; DTxt08-003_Arch-Mez_08-07-10_DjachkovaPJ_ShubinaK]. Очевидно, не следовало бы назвать практику деревенского невожения сугубо «мужским» занятием, а пространство тоней «мужским пространством» [Гладарев, 2007, с. 235], так как, в отличие от городской рыболовной практики, «мужской эскапизм» не является его самоцелью.

Выводы

Анализируя вышеописанное, приходим к выводу, что равноценность паёв каждого участника лова выражала не столько юридическую справедливость, как в случае описываемой Бернштам формой найма в артели, сколько стремление сохранить социальный баланс в локальной среде. Прибегая к терминологии П. Бурдье, охарактеризуем представление рыбаков о равенстве как габитус справедливости [Бурдье, 1998, с. 45]. Действительно, понятие справедливости как «принципа практик» обуславливает и организацию рыболовного процесса, и делёж добычи его участниками. Сложившаяся модель мышления детерминирована, в первую очередь, особенностями социальной среды рыбацкого коллектива в малонаселённой деревне.

Объяснить принципы, организующие рыбную ловлю, и правила поведения участников лова (отбор напарников, избрание формального руководителя и места хранения невода), сами информанты не

в состоянии. Их знание завязано исключительно на практике и не существует само по себе, вне её, и невозможно описать универсальные правила поведения рыбака в той или иной ситуации. Правила поведения здесь, как показывают интервью, сугубо контекстуальны. (Сравним подобное поведение с явлением, названным Дж. Скоттом «метисом») [Скотт, 2011, с. 496]. Можно сказать, что во взаимоотношениях внутри данного коллектива габитус влечёт за собой такие возможности реализации принципа справедливости, как жребий, считалки, разрезание рыбы и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштам, 1978 — *Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
- Бурдые, 1998 — *Бурдые П.* Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. I. 1998. № 2. С. 44–59.
- Гладарев, 2007 — *Гладарев Б. С.* В поисках «мужских» пространств: рыбалка // Мужской сборник. № 3. Мужчина в экстремальной ситуации. М., 2007. С. 233–243.
- Подвысоцкий, 1885 — *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия: в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Скотт, 2011 — *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М., 2011.
- ФАПЦ — Фольклорный архив АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры».